

Глобальный Восток и глобус

Елена Трубина

Доктор философских наук, профессор, директор Центра глобального урбанизма,
Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Адрес: просп. Ленина, д. 51, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620075
E-mail: elena.trubina@gmail.com

Статья представляет собой развернутый отклик на текст Мартина Мюллера «Разыскивая Глобальный Восток», написанный на основе опыта ученого, специализирующегося на постсоциалистических реалиях и включенного в глобальную циркуляцию социально-гуманитарного знания. В ней идет речь о возможности рефлексии по поводу места постсоциалистической части мира в мире в целом с точки зрения общности, образованной теми, кто в постсоциалистическом пространстве живет, и теми, кто исследует его различные стороны. Обсуждается генеалогия дискуссий о Глобальном Юге и Глобальном Севере, принципиальных для таких дисциплин, как география (политическая, экономическая, гуманитарная), и городские исследования, а также формирование в политической истории второй половины XX века и в интеллектуальной истории этого периода концептуальной связи «развитие = Глобальный Юг». Утверждается, что Глобальный Юг активно обсуждается в дебатах географов, урбанистов и историков, а также в транснациональных, больших повествованиях о том, что происходит в мире и с миром. В то же время постсоциалистический мир (Мюллер предлагает для него название «Глобальный Восток») в этих повествованиях занимает незначительное место. «Развитие» (как бы по-разному и противоречиво оно ни понималось) применительно к той части «глобального», что образовано Восточной Европой, Россией и Центральной Азией, понимается как задача национальных правительств, решать которую нужно, следуя опробованному Западом опыту. В статье объясняются причины недостаточного понимания того, что значит этот регион сегодня, а также сложностей создания и популяризации о нем интеллектуальной продукции, в частности продолжающаяся постколониальная децентрация Запада как привилегированного места производства знания. Вывод статьи заключается в том, что исследований, в которых сталкивались бы разные, в том числе и «глобально-восточные», представления о глобальном, нужно гораздо больше.

Ключевые слова: Глобальный Восток, Глобальный Север, Глобальный Юг, глобус, «полушарная ошибка», транснациональные большие нарративы, внутренняя дифференцированность Глобального Востока

Люди — существа, устанавливающие глобусы и изучающие горизонты.

Питер Слотердаик

Люди повсюду, в очень разных условиях, спрашивают себя: где мы? Вопрос исторический, не географический. Через что мы проходим? Где мы? Куда нас занесло? Что мы потеряли? Как продолжать жить без правдоподобного видения будущего?

Джон Бергер

«Наш регион» извне и изнутри

Я пытаюсь понять, к какому именно миру принадлежу, когда разбираюсь с правилами заявок на зарубежные стипендии или оплаты регистрационного взноса на конференции. Есть программы, открытые для восточноевропейских и центральноазиатских ученых, но закрытые для России, и есть схемы оплаты взносов на большие конгрессы, отсылающие тебя к странам в Tier 2 или Tier 3. Страны могут быть сгруппированы по континентам, по уровню развития, по коррумпированности, и редко какая группа, в которой обнаруживаешь Россию, лестна для нашей страны. Понятно, что и зарубежные коллеги после Брекзита и при Трампе столкнулись с новыми границами, сузившими и без того скромный спектр академических возможностей. Сомнения по части того, в «развитых» или «развивающихся» странах они живут, им тоже свойственны, скажем, после посещения государственных медицинских клиник. Но уж, по крайней мере, на их «западную» или «северную» принадлежность никто не покусится (если они в развитом мире обосновались давно). Некоторые из них всю жизнь изучают Восточную Европу или Россию и входят в плотные профессиональные сети и сообщества историков, либо антропологов. Возможно, они реже, чем Мюллер и я, переживают что-то похожее на обиду, когда видят, что изучаемый ими регион слабо представлен в ключевых дебатах их профессиональной области. На иной крупной географической конференции можно услышать пять докладов о Боливии и ни одного — об Албании или Грузии. Ученые из Индии и Англии, Алжира и Франции и т. д. состоят в длительном и продуктивном диалоге, стремясь к пост- или деколониальному восстановлению справедливости, а с кем состоим в диалоге мы? «Мы» здесь — и те, кто в постсоциалистическом пространстве живет, и те, кто различные стороны постсоциалистической жизни исследует. Исследует, как правило, обходясь без того, чтобы искать для *всего* нашего общего региона место на академической и политической карте. Если ты русист — ты разговариваешь с русистами. Если специализируешься на Средней Азии, тебе тоже есть с кем поговорить. Есть общие форумы, главными из которых являются BASEES и ASEES. От современной албанской музыки до русско-украинского конфликта — многое и интересное обсуждается на таких конференциях экспертами по постсоциалистическому региону. Обсуждается между собой.

Мюллер же разбирает наши *общие* шансы на включение в более широкие обсуждения на конференциях и в журналах. В географии, которую Мюллер в этом тематическом выпуске представляет, это и дискуссии о радикальной переориентации в сторону деколонизации знания (Jazeel, 2019), планетарной урбанизации (Millington, 2016), о том, как понимать классиков (Kipfer et al., 2012), и ключевые понятия, будь то «масштаб» (Purcell, 2003) или «инфраструктура» (Angelo, Hentschel, 2015), или сравнивать перспективы в отношении антропоцена (Ahuja, 2016). Дискуссии о глобальном неравенстве (по крайней мере те, что довелось наблюдать на конференциях) отмечены иронией общего признания, что центральность Гло-

бального Севера, как бы она ни оспаривалась и не критиковалась, систематически воспроизводится. Разговоры о необходимости диалога между Глобальными Севером и Югом сопровождаются временами активной критикой «северного» лицемерия и обыкновения представлять Глобальный Север как «героического спасителя», который отсутствует в сценах насилия и страдания на Глобальном Юге, но присутствует в гуманитарной и экономической помощи этому региону (Orford, 2003: 85–87) (к противоречивой роли Глобального Севера в развитии других регионов я ниже вернусь).

В России различие Глобального Севера и Глобального Юга в академических дискуссиях почти отсутствует: к примеру, запрос на поиск таких источников в *elibrary* приводит лишь к нескольким двухстраничным тезисам (см., например: Гераскина, 2016). Многим поэтому могут показаться непонятными огорчения и призывы Мюллера, сформулированные на основе наблюдений над тем, как наш регион виден (и невиден) с «той стороны». «Та сторона» — это прежде всего глобальная англоязычная академия, в дискурсивном пространстве которой Глобальный Юг и Глобальный Север — популярные точки отсчета. Это также родная для этого молодого профессора университета Лозанны среда. Мюллер представляет ученых, которые создают теории различных городских и региональных процессов. Закончив вуз в Германии и продолжив обучение в Англии и США, он — городской, политический и экономический географ — специализируется на России и Восточной Европе, посвятив немало критических статей, в частности тому, как в этом регионе организуются мегасобытия. Мартин Мюллер в своих исследованиях пытается совмещать «взгляд снаружи» и взгляд «изнутри». Так, в послесловии к коллективной монографии об отношении Восточной Европы и Черной Африки к Европейскому союзу он с соавтором справедливо пишет о многих парадоксах, которыми отмечены действия этого наднационального образования, демократического по риторике, но крайне бюрократического по сути. В итоге «Европейский союз кажется разным из разных мест и разным людям больше, чем когда-либо прежде: красавица для одних, для других он — чудовище» (Bachmann, Muller, 2015: 188).

Еще одно важное предварительное замечание. Терминологические системы и теории, принятые научными сообществами в разных странах, сильно отличаются: отличаются, так сказать, онтологическая весомость и идеологическая инструментальность используемых понятий. Например, в центре дебатов в урбанистической теории и — шире — гуманитарной, экономической и политической географии находится реальный процесс — развитие городов (как часть развития мира). Развитие как реальный процесс обсуждается с пониманием того, насколько популярен «глобальный миф развития», как и попытки определить его универсально и однородно (Lorenzini, 2019: 170). «Развитие» также составило (и продолжает составлять) идеальную идеологию и легитимацию для целого ряда международных организаций во второй половине XX века. «Развитие» вместе с «недоразвитостью» вошло в политический и идеологический лексикон с тех пор,

как в 1949 году в инаугурационной речи президент Трумэн провозгласил «недоразвитыми» Азию, Африку и Латинскую Америку и поставил задачу расширения западного влияния на эти регионы посредством программ развития, включающих капиталовложения и подъем уровня жизни.

Научные сообщества (по обе стороны железного занавеса) разрабатывали способы трансляции успешных проектов из центральных в периферийные места мира и в целом вооружились понятием развития для обсуждения не-северных (не-западных контекстов). В урбанистической теории по этому поводу идут широкие дебаты: оспаривается доминирование порожденной Глобальным Севером (англо-американской, западной) *теории, объясняющей городские процессы* в рамках данного региона (Robinson, 2006), как и использование *теории развития* для социальных, экономических и прочих процессов на Глобальном Юге (Williams et al., 2009). Иными словами, для (уже развитого) «Севера» и (недоразвитого) «Юга» исторически использовались различные наборы теорий, и этот эпистемологический курьез сегодня активно обсуждается в ходе в том числе активной критики и городских теорий, и теорий развития.

«Международное развитие» как цель и предлог существования многих международных же организаций имело четкую географию — Глобальный Юг, Третий мир, т. е. Азия, Африка, Латинская Америка и острова Тихого океана. В недавней статье, ратующей за переход от «международного» развития к «глобальному», резонно говорится, что «неравенство между „развитыми“ и „развивающимися“ странами было подчеркнуто... в соответствии с макрогеографией мира, поделенного на две части (*по отношению к чему бывший Советский блок — как Второй мир — всегда неуклюже располагался*)» (Hornig, 2020: 417; курсив мой). Иными словами, и в политической истории второй половины XX века, и в интеллектуальной истории этого периода сложилась нешуточная концептуальная связь: развитие = Глобальный Юг. Она сейчас тем активнее оспаривается, чем больше представителей Глобального Юга перебирается «на Север», но все же остается весьма популярной. Эта связь значима в двух отношениях: во-первых, Глобальный Юг активно обсуждается в глобальных дебатах географов, урбанистов и историков, т. е. он занимает большое место в транснациональных, больших повествованиях о том, что происходит в мире и с миром. Ниже я покажу, что постсоциалистический мир в этих повествованиях занимает незначительное место. Во-вторых, развитие (как бы по-разному и противоречиво оно ни понималось) также обсуждается применительно к Глобальному Югу и не обсуждается — к той части «глобального», что образована Восточной Европой, Россией и Центральной Азией.

В своей статье Мюллер также пытается осмыслить разные реакции коллег и студентов (а также отсутствие таковых) не столько на непосредственно изучаемые им процессы, сколько на регион, в котором эти процессы разворачиваются. Он предлагает подумать над тем, каким постсоциалистический регион предстает на Западе/Севере. Предложив назвать этот регион Глобальным Востоком, он пытается совместить разговор от имени некоторого «мы» и обсуждение масштаб-

ных географических понятий. Как это «мы» (и просто люди, и ученые, и практики, и тексты, и пространство мира, которое нам отвела история) представлено в академических дискурсах и в международной академической практике? На этот счет у каждого из читателей найдется анекдот-другой. Мне помнится ирония, с какой российский историк культуры, антиковед, переводчик, публикатор и комментатор греческих и латинских авторов Нина Брагинская на одной из конференций стипендиатов программы Фулбрайт (ах, были времена!) вспомнила, что ей довелось участвовать в американской конференции, посвященной античному роману. Разные были секции на этой конференции, и отведенная Брагинской называлась «Русские об античном романе». Пример из моего опыта: на первой для меня ежегодной конференции Американской ассоциации географов в 2007 году я представляла российские МИОНЫ (межрегиональные институты по общественным наукам) — неплохую в целом инициативу. Члены нашей междисциплинарной межвузовской делегации на секции, называвшейся «Российские МИОНЫ», энергично рапортовали о выжатом в Ростове подсолнечном масле и других важных подробностях российской жизни нескольким американцам и другим докладчикам этой секции. Если в первом случае Нину удивили особенности американской категоризации выступающих, то во втором формирование российской делегации на международную конференцию вполне отвечало логике тех, кто распорядился финансированием МИОНов. То, за кого нас «держат», определяется во многом извне. Регулирующие идентичность категории формируют нас в качестве понятных другим субъектов, и почему бы, как предлагает Мюллер, не задуматься над тем, есть ли категории более общие, нежели национальные?

Мюллер в качестве рамки своего анализа избрал «Глобальные Север/Юг» и заявляет, что «нас» в этой рамке нет. В свою очередь, этой оппозиции нет в дискуссиях, идущих в Восточной Европе и России. Так, отечественные академические сообщества используют другие географические обозначения: у нас главным дискурсивным Другим является «Запад», а не «Север». Отличия между нами и этим Другим проводятся часто несимметрично: «мы» часто — Россия, т. е. одна страна, а он — обобщенный «Запад» (Жарков, 2019). Мюллер говорит о более широком «мы»: о регионе, включающем Центральную Азию, Восточную Европу и Россию как общности, где живут люди, объединенные специфическими опытом и интересами. Направление этого объединяющего жеста, мне кажется, очень значимо. Оно побуждает задаться вопросом о том, как возможен «наш» регион, «наше» пространство как общее пространство воображения и действия? Этот жест идет вразрез с основанным на нации самопониманием людей. А именно такой вариант самопонимания поддерживается и преобладающими интеллектуальными традициями, и националистической пропагандой (Goode, 2020; Zhuravlev, Ishchenko, 2020). Поддерживается он, чего греха таить, и проблематичной внешней политикой России, и старыми и новыми историческими травмами. Еще, надеюсь, появятся тексты, в которых будет разобрана связь между современными международными отношениями «внутри» и «снаружи» бывшего Восточного блока и ин-

теллектуальной историей. Так, не раз и не два от коллег, базирующихся в Польше или Латвии, я слышала, что сейчас просто не время заниматься рефлексией того, что мы как общий и большой регион собой представляем: уж слишком глубоки расколы внутри него.

Но я все же предлагаю данную журнальную дискуссию считать поводом для общей рефлексии о разделяющей и противопоставляющей природе географических наименований и коллективных описаний и — шире — о том, как работает географическое воображение. Категории, отделяющие регионы мира друг от друга, важны и нужны, и упомянутое воображение порождает классификации, основанные не только (и не столько) на географии, но и на политической истории и экономических возможностях, эмоциях и предрассудках, надеждах и разочарованиях.

Глобус в эпоху GPS и Google Maps

Лондонская полька — художница Янетка Платун во время своего пребывания в Университете Квин Мэри сделала из меди метровый глобус, поместила внутрь четыре видеокamеры и отправила его кататься по улицам Лондона (Platun, 2020). Дело было в 2016 году, когда забавные анекдоты о польских водопроводчиках все сильнее совмещались с угрюмой враждебностью по отношению к восточноевропейским мигрантам (Garapich, 2016). Перемещаемый сподвижниками, друзьями и сочувствующими, глобус за месяцы своего лондонского представления обшарпался и износился. Множащиеся на его поверхности царапины символизировали, по-моему, тот грустный факт, что редкий опыт миграции обходится без травм. Камеры записывали рассказы разных людей о том, как они сами стали «перекати-поле», и о том, что значит для них связь планеты и дома, большого и малого, некогда и сейчас. Глобус прокатили по улицам, где жили родители Янетки, и довезли до Гринвича. Нулевой меридиан, соединенный с телескопом, с середины XIX века служит во всем мире ориентиром — географическим и темпоральным — точкой отсчета временных зон. Глобус также завезли в штаб-квартиру Королевского географического общества навестить его «коллег»: там хранятся редкостные старые глобусы. Эта институция — плоть от плоти британских имперских завоеваний: тут закреплялись репутации и велись споры о точном местоположении городов, открытых или построенных в далеких колониях. Медный шар даже слетал в Индию, где Янетка приняла участие в семинаре по созданию глобусов (Sheringham et al., 2020). Встроенные в скульптуру камеры время от времени записывали происходящее, фиксируя случайные сюжеты городской жизни.

Особая солидарность, которую я чувствую с этим проектом Янетки, объясняется не только тем, что один из векторов идентичности художницы — Восточная Европа. Мне нравится, как она освоила своим проектом Лондон, включая средоточия империи — Гринвич и штаб-квартиру Королевского географического общества. Все понимая про нагруженность Гринвича и Южного Кенсингтона (где штаб-квартира) имперскими смыслами, я и к тому и к другому месту все же от-

ношусь с большой нежностью: в Гринвиче красиво, а в штаб-квартире Общества каждый год проходят полезные конференции географов. Художница Платун, с одной стороны, амбициозна: связанная с глобусом образность основательно нагружена тяжелыми, противоречивыми, экспансионистскими ассоциациями. Янетка не мелочится: ее проект — это побуждение к диалогу с глобусом и всем тем, что этот непростой шар олицетворяет. С другой стороны, она верна специфическому опыту, в частности переживаниям своих родителей, которые еще до расширения Европейского союза перебрались в Англию. Культурный капитал Янетки поэтому шире, нежели тот, которым обладают поляки, переехавшие в Шеффилд из Познани в середине 2000-х годов. Он позволяет ей видеть множество нитей, которыми новые восточноевропейские мигранты связаны с теми, кто появился в Великобритании десятилетия назад. Приехавшим раньше, справедливо считают многие, — проще: они что-то тут нажили. Приехавшие только что — часть массовой миграции из Восточной Европы, в результате которой Болгария, Литва, Польша обезлюдели. Янетка, с одной стороны, во всеоружии арт-приемов, которыми снабдила ее разнообразная и насыщенная культурная сцена Лондона: так, она остроумно переосмыслила в своем проекте историю глобусов как материальных и культурных объектов. С другой стороны, понимая, что она — отнюдь не первая, кто проблематизирует образы дома и мира, художница все же приглашает сограждан снова и снова вдуматься в эту связь: мир, дом и ты. Параллель между ее проектом и проектом Мюллера — в приглашении искать ответ, что этот глобус такое и где твое на нем место, пусть даже у Мюллера под этим местом чаще всего понимаются страницы хороших англоязычных географических журналов.

«Универсальная иконографическая понятность» глобусов (Lippincott, 1999) складывалась постепенно. Позволю себе очень краткий экскурс. Они были первоначально металлическими и деревянными, пока Вальдсемюллер и Меркатор не революционизировали картографию, но сделали это очень пристрастно: карта Меркатора в 1569 году закрепила символически и политически триумф Запада, изобразив Европу большей, чем она есть, за счет, понятно, других континентов (Brotton, 1997: 169). Европейские державы долго набирали колонизаторские силы, и глобусы и карты (и гобелены) были и научными инструментами и перформативными актами, воплощая претензии на территории, пряности, дерево, металлы и торговые пути.

Учебные пособия, наглядные модели, предметы роскоши — глобусы быстро стали символами власти. В гольбейновских «Послах» изображены небесный и земной глобусы, и можно даже рассмотреть, что на земном на первом плане изображена Европа, она ярче всего освещена. Свет и тьма, познанное и неизвестное, понятные «наши» люди и страшные «драконы» отдаленных земель — эти противопоставления, обыгранные Гольбейном, остаются до сих пор с нами, достаточно почитать свежий выпуск *New York Times*. Возможно, это удобная человекообразность глобуса и то, что его можно было взять в руки и покрутить, объясняют популярную ассоциацию глобуса с мировым господством и с просвещением.

Колонизаторы привозили глобусы в построенные ими школы, чтобы исправить наивные представления местных, по которым Индия или Мексика были в центре мира. Ученикам давали покрутить глобус, чтобы полюбоваться тем, как много на свете стран, а поскольку глобусов на все школы не хватало, то учителя для формирования современного географического сознания прибегали к сферическим заменителям, к примеру, фруктам (Ramaswamy, 2002: 180).

Культургеограф Денис Косгроув, поставив вопрос о последствиях для Запада понимания Западом же планеты Земля как «единой сферической формы» (Cosgrove, 2001: ix–x), ответы ищет в истории. Он подробнейшим образом анализирует, как именно образы глобуса составили и олицетворили особое западное мировоззрение — «современный глобализм». Косгроув выделил девять центральных образов глобуса — имперский, поэтический, классический, христианский, океанский, визионерский, эмблематический, просвещенческий, современный и виртуальный. К примеру, в XVIII веке, когда мореплаватели устремились в «океанское глобальное полушарие», просвещенческий глобус стал океанским (Cosgrove, 2001: 12). Предпринятая культурным географом картографическая генеалогия позволяет показать, как плотно были переплетены представления о единстве человечества и образы Земли как глобуса. В то же время, подчеркну еще раз, помещенная на глобус история понимания пространств — весьма пристрастна. Глобус кругл, история человечества едина, но за этими мантрами — монополизация идей универсальности и греческие представления о формальном порядке и красоте космоса, приведшие к евроцентристской модерности. Западная модерность веками преподносилась в качестве универсальной. Глобус позволял вглядываться в Землю на расстоянии, и это вглядывание тесно переплетено с имперскими притязаниями.

Проводя параллель между восторгами экипажа Apollo и учениями римских стоиков, Косгроув подчеркивает, что это вглядывание с расстояния — инструмент рефлексии и напоминание о незначительности повседневных забот и войн за территорию. Помогут ли такие напоминания в наши дни, когда в рекламе изобильны «глобальные» образы, когда премия «Золотой Глобус» — часть функционирования креативных индустрий, когда надувные или подсвеченные глобусы можно купить в любом книжном? Запад и поныне имеет на глобус историческую монополию, у него есть власть описывать «других», и преобладающие варианты деления мира на части сложились также там.

«Полушарная ошибка»

Мюллер строит свою критику преобладающей географической оптики на следующем доводе: «Различение богатого, могущественного Глобального Севера и бедного, менее сильного Глобального Юга — пожалуй, наиболее влиятельный способ категоризации мира и инструмент размышлений о глобальных различиях сегодняшнего дня» (Мюллер, 2020: 20). В устных выступлениях Мюллер использует более простой критический ход. Он говорит о том, что значительная часть геогра-

фической продукции и географического воображения страдает от «*полушарной ошибки*» (состоящей в убеждении, что «Север + Юг = Земной шар»). Отмеченное Мюллером проблематичное уравнение, в самом деле, часто прослеживается в современной литературе, к примеру, как синонимы упоминаются «не-западный мир, или Глобальный Юг» (Chatterjee, 2017: 1).

Как этот способ категоризации возник и приобрел популярность и почему эта «ошибка» столь распространена — отдельные большие и малоисследованные вопросы, но здесь стоит вспомнить вот что. Прошло сорок лет с тех пор, как созданная Всемирным банком развития Независимая комиссия по вопросам международного развития опубликовала доклад немецкого канцлера Вилли Брандта (Brandt, 1980), проиллюстрированный картой, на которой мир изображен разделенным на богатую северную и бедную южную части на основании разницы в валовом внутреннем продукте (Wikipedia, Commons). В тексте доклада признавалось, что предлагаемое деление на бедных и богатых, развитых и развивающихся — упрощение (Ibid.: 22–23), но в качестве маркеров идентичности эти категории (и само противопоставление) закрепились очень прочно. В этот — 1980 год в Польше возникла «Солидарность», в Москве прошла Олимпиада, в Чехословакии читали «Хартию-77», в Югославии после смерти Тито начался резкий рост цен, а Брежнев и Кадар в СССР и Венгрии приближались к финалу своего правления. Однако закрепленная в докладе и карте Брандта политика «развития» не только выстраивалась независимо от этих эпизодов истории Восточного блока, но и красноречиво его игнорировала. Севером эта политика обозначалась как международная «помощь» Югу. Нужно обратиться к генеалогии проблематики международного развития в контексте неолиберальной глобализации, чтобы понять, как складывалось проблемное поле, объединившее Глобальные Юг и Север, но не включившее в себя Восток.

Эпизод с картой Брандта правомерно можно счесть лишь одним из множества вариантов риторики и легитимации программ международного развития, но я предлагаю сделать его отправной точкой размышления о месте Глобального Востока в *макроскопической*, по выражению антрополога Эрика Вульфа, истории и в международной политической экономии. Усилиями think tanks и агентств по международному развитию складывается картина (и карта) глобализации, неравномерно разворачивающейся, имеющей своих лидеров и своих навсегда проигравших или вовсе неназванных неудачливых участников. Но работ, в которых бы с сочувствием и вниманием к нашему региону *в целом* была дана картина его включенности (или причин выключенности из) в транснациональные экономические, культурные и т. д. процессы, очень мало (Drahokoupil, 2007).

Вернемся к 1980 году, в котором идея и образ поделенного на Глобальный Юг/Север мира начали путь к существующему и до сего дня доминированию. Этот год был началом десятилетия, в ходе которого продолжался переход от фордистской к постфордистской экономике, политическая и экономическая ответственность спускалась от центральных правительств вниз, в города и провинции, а полити-

ческая и экономическая власть переходила вверх — к растущему числу транснациональных организаций (одной из которых и была упомянутая комиссия) и корпораций. Начало «тэтчеризма» в Великобритании (1979) и «рейганомики» в США (1980), последствия нефтяного кризиса, деиндустриализация и рецессия означали начало неолиберальной эры. Эта эра была отмечена выходом на первый план ориентированных на спекуляцию и сверхприбыли рынков финансов, полностью оторванных от местных контекстов и интересов: «Взрывной рост числа новых монетарных инструментов и рынков, поддержанный все более изоощренными средствами планетарной координации и пространственно-временной компрессии, позволили финансовому порядку достичь такой степени автономии от „реального производства“, которой не припомнит история современной политической экономии» (Comaroff, Comaroff, 2002: 784). Включение граждан в «повседневную жизнь глобальных финансов» (Langley, 2007) сопровождалось тем, что и себя люди стали понимать как активы, которыми следует эффективно распоряжаться. Риски и ответственность становились личной проблемой по мере того, как уменьшались предоставляемые государством льготы и общественные блага (я вернусь к этому ниже, разбирая идеи белорусских авторов Мацкевича и Щитцовой).

На Глобальном Юге к тому времени уже давно экспериментировали с «шоковой терапией». Всемирный банк и Международный валютный фонд, руководствуясь дискурсами развития и помощи, навязали долговые обязательства Латинской Америке, Африке и некоторым странам Азии. В ходе неолиберальной глобализации была переделана Международная финансовая система «нового империализма» (Harvey, 2003). В 1982 году долговой кризис был на пике, в Латинской Америке 1980-е оказались «потерянным десятилетием», а в Африке доходы населения в среднем упали на 30%. Бедное население стран Глобального Юга продолжало нести бремя реструктуризации экономики, тогда как элиты этого региона помещали свои активы в американские банки. В рамках «социалистической протоглобализации» промышленные и финансовые связи стран Восточного блока и западных транснациональных корпораций также расширялись (Pula, 2018), совсем скоро (в 1990-е) обсуждаемый нами постсоветский мир станет частью «нового империализма». Сплетенная с либеральными дискурсами демократии и прав человека неолиберальная экономика воцарится и там: «Открытие рынков капитала в большинстве стран Латинской Америки и Африки, некоторых странах Азии и в бывшем Советском блоке привело к массовому перенаправлению избытка капитала в США... открытие рынков было очень привлекательным для классов собственников в этих странах, позволяя им переводить свои активы на Уолл-стрит и в другие финансовые центры, нежели рисковать своим богатством, вкладывая деньги по месту жительства» (Hart, 2010: 127).

Эта цитата из статьи экономиста и географа Джиллиан Харт, которая свое знание Южной Азии и Южной Африки положила в основу критики дискурсов развития и глобализации, важна соположением процессов в «бывшем Советском блоке» и в иных частях мира. Таких параллелей, критически проведенных между нашим

и иными регионами, по-моему, остро недостает. Я имею в виду то, что бывший Советский блок часто обойден стороной не только в глобальной географии (о чем пишет Мюллер). В стремительно растущих дисциплинарных полях «мировой истории» (world history), т. е. глобальной и транснациональной, и международной политической экономии, роль, значение и место постсоветского региона *в целом* также почти не обсуждается. В то же время в посвященных XIX веку такого жанра работах относящиеся к Советскому блоку страны и составляющие его части (Центральная Азия, Восточная Европа, Россия) рассмотрены весьма подробно (Osterhammel 2014; см. также: Golden, 2011). Между тем разворачивающиеся в этом регионе сегодня процессы не менее значимы, нежели, скажем, в Китае (разбираясь в глобальной схеме сторон света, Мюллер, увы, не касается проблемы того, как быть с Китаем).

Приведу еще один «синхронизирующий» аргумент: «Отстраненная позиция богатых европейских государств, не склонных к масштабным военным вмешательствам в международные дела, осторожное отношение ООН к интервенциям, кроме вызванных «гуманитарными катастрофами», постсоветский «транзит» и переходное положение Китая как экономической и военной силы побудили некоторых политиков к оппортунистическому использованию власти Соединенными Штатами для преследования непосредственных и долговременных целей» (Pomper, 2005: 25). Если две эти цитаты (из статей географа Харт и историка Помпера) счесть очень кратким синопсисом возможного транснационального исторического повествования о последних десятилетиях, то понятно, что оно бы представило интересный контраст более привычным вариантам истории о трех сверхдержавках и «сателлитах» одной из них (Cox, 2017).

В 1990-е Гайятри Спивак (Spivak, 1999) и Нэнси Фрезер (Frazer, 1995), преследуя свои концептуальные цели, весь мир и наступивший век назвали «постсоциалистическим». Но в подавляющем большинстве научных нарративов «о мире в целом» постсоциалистическая его часть представлена весьма скромно. В журналах, освещающих мировую историю, она порой обозначена как «восточная периферия Европы». Тропы «изъяна», «разрыва» и «неудачи» часто встречаются в названиях статей и книг (Mendelson, 2001; Rutland, 1997; Zweynert, 2019), а «развитие» — будь это идея, цель или деятельность — обсуждается, как правило, применительно к другим регионам. По отношению к Восточной Европе, России и Центральной Азии сложился дискурс, в котором развитие мыслится как задача правительств и как деятельность, которую следовало бы осуществлять по опробованным западным рецептам. Приведу в качестве примера книгу Ивана Крастева и Стивена Холмса «Погасший свет: почему Запад проигрывает в бою за демократию?» (Krastev, Holmes, 2019). Эксперт венского IWM (Института исследований человека) и профессор права Нью-Йоркского университета, как явствует из названия книги, главным героем происходящего видят Запад. От его имени и ему самому (книга опубликована по-английски) они объясняют, какими защитными реакциями в Восточной Европе и России обернулись «глобальная взаимозависимость и не-

остановимое распространение западных социальных и культурных норм» (Ibid.: 167). Оставив в стороне имеющуюся историческую, географическую и экономическую литературу, но щедро цитируя литературу художественную и массмедиа, а также не проведя никаких собственных исследований, авторы основывают свой нарратив о неудавшейся попытке постсоциалистических стран симитировать Запад на хлестких и крайне проблематичных метафорах, которые сделали бы честь советологам из гарвардского Центра Дэвиса. С их точки зрения, завершение холодной войны подготовило «геополитическую сцену» для представления, напоминающего «Пигмалиона» Шоу: «оптимистическую дидактическую пьесу, в которой профессору фонетики за короткое время удалось научить бедную цветочницу разговаривать как королева и чувствовать себя как дома в приличной компании» (Ibid.: 6). Увы, провозглашают авторы, миру суждено было увидеть другую инсценировку — «Франкенштейн» Мэри Шелли: «Завидуя недостижимому счастью, дефективный монстр обратился против друзей и семьи своего создателя» (Ibid.). Объясняя аффекты правительств и населения «ударом по национальному достоинству» (Ibid.: 73–74), авторы рисуют страны «нашего» региона съезживающимися (теряющими население) нациями, которые реагируют на унижение «агрессивным изоляционизмом» (Ibid.: 122–123). Добавлю лишь, что я дописывала этот текст летом 2020 года. Среди множества тогда случившихся драматических вещей упомяну запрет президента Дональда Трампа на выдачу американских рабочих виз нескольких типов до конца года. Конечно, «агрессивный изоляционизм» в контексте пандемии приобретает множество непредвиденных авторами значений, но все же полное игнорирование в книге, вышедшей в 2019 году, проблем, переживаемых имитируемым «образцом» — Западом, — либо сильно натянутое во многих местах их объяснение зловердным влиянием Восточной Европы и России крайне огорчает.

Вернусь к своему аргументу о том, что развитие понимается как задача правительств региона, решать которую нужно, следуя опробованному Западом опыту. Если действия, предпринятые по отношению к бывшему Восточному блоку международными фондами, редко становятся предметом критики, то действия национальных правительств обсуждаются (и осуждаются) систематически. Это делается, во-первых, в рамках теории модернизации (Goetz, 2001; Connolly, 2011; Gaddy, Ickes, 2013) (я вернусь к этому тезису в главке о трех мирах), и во-вторых, теорий зависимости от предыдущего пути развития (path-dependency) (Dörrenbächer et al., 2000; Inglot, 2016), а в-третьих (и это самое существенное), они обсуждаются либо на примере одной страны, либо лишь нескольких стран Центральной и Восточной Европы (Drahokoupil, 2007). Далее, если мир транснационален и глобализован, то и экономика, и культура региона являются результатом сложной связи внутренних и внешних факторов, однако его анализ ведется по преимуществу на основе факторов внутренних. Этот недостаток закономерно был подвергнут критике (Melegh, 2006) и только совсем недавно частично устранен в книгах международных политических экономистов (Bohle, Greskovits, 2012; Pula, 2018). Но даже

в этих обсуждающих включенность стран региона в глобализацию книгах недостаток имеющихся эмпирических данных и преобладающие дискурсивные рамки приводят к «усилению западнцентристских историй, в которых используемые переменные показывают Восток всегда уже недорабатывающим, пусть и по-разному, и в которых Запад функционирует как глобальный контекст для Востока (но никогда не наоборот), а колониальные и постколониальные ресурсы западных рыночных экономик вчитаны в их внутренний потенциал и направление развития» (Gille, 2019: 85). Венгерско-американский социолог Жужа Гилле (я коснусь другой ее работы ниже) формулирует два важных момента: во-первых, затушеванность активного и агрессивного использования внешних ресурсов Западом в изображении общей, победной и «своими силами» осуществленной модернизации; и во-вторых, воспроизводство дискурсивных ходов, отводящих Глобальному Востоку роль вечного неуспевающего ученика Севера/Запада (либо монструозного имитатора в представлении Крастева и Холмса).

Между тем в таких дисциплинах, как мировая, или глобальная (Sachsenmaier, 2011), а также энвайронменталистская история, привычный нам нарратив истории модернизации, в центре которой — европейская индустриализация, — подвергается частичному пересмотру (Vries, 2008). Если прежнее поколение экономических историков во главе с Эрихом Хобсбаумом задало образец масштабного исторического повествования, в котором генератором изменений является индустриализация (моделью которой опять же является Запад), то те историки, кто использовал для своих версий всемирной истории опыт и последствия колонизации, сделали акцент на других источниках изменений (демографии, государстве, дискурсах, культуре) и на их полицентричности (Bayly, 2003). Аргументы из мировой истории могли бы побудить пересмотреть и историю социалистической модернизации с привычным фокусом на индустриализации. Более того, мы в Восточной Европе, Средней Азии и в России выучили и приняли близко к сердцу вдохновенные рассказы о западной модерности, т. е. о том, как в Европе и в целом на Западе научные и экспериментальные методы были применены к созданию технологий, открытые социальные структуры способствовали свободному обмену идеями, а инструментальная рациональность привела к взрывному росту инноваций. Эти рассказы историками сейчас проблематизированы, потому что заслоняют колонизацию и рабство как столь же значимые черты европейской модерности, что и рациональность и инновации (Therborn, 2003; Preston, 2013). Мы сегодня лучше понимаем, каким образом «хайкеианские» нарративы об уникальном наборе обстоятельств, приведших в Западной Европе и США к установлению главенства права, соревновательных выборов и открытости экономики, нарастанию свободы и богатства, а главное, соответствия между политической и экономической свободой, составили фон для интеллектуальной продукции «транзитологии» (McFaul, 1999; Kokushkin, 2011). В то время как история самого Запада активно пересматривается специалистами по всемирной истории, ее упрощенная (и для Запада, безусловно,

лестная) версия продолжает циркулировать в производстве научной продукции о «нашем» регионе.

«Транснациональные» масштабные нарративы, в которых Глобальный Восток был бы описан диахронически и синхронически с другими регионами, еще появятся. Пока же остается лишь недоумевать, когда, скажем, в книге о глобальной интеллектуальной истории из всего богатого наследия Восточной Европы, России и Средней Азии удостоен упоминания только русский анархизм (Moyn, Sartori, 2013: 232). В будущих нарративах увлекательно было бы прочитать, как регион в целом участвовал в разнообразных и долговременных обменах — миграционных, торговых, культурных, идейных. Пока, как кажется, нужный для создания таких нарративов междисциплинарный диалог между географами и антропологами, демографами и представителями естественнонаучного знания еще только складывается.

«Три мира» в аналитике и в опыте

Критикуя фундаментальное упущение карты Брандта («Север/Юг без Востока»), Мюллер реалистически признает ее доминирование, но в то же время справедливо отмечает ее абсурдность. В самом деле, почему западные организации, которые сочли разделение «Север — Юг» более для себя важным, нежели «Запад — Восток», Запад, переименовав, сохранили, а Восток проигнорировали? Международники связывают это с нарастанием в 1970–1980-е годы конфликтов в ООН по поводу международной помощи Севера Югу (Lorenzini, 2019: 5), затмивших в глазах принимавших решения приоритеты холодной войны. По-моему, карта мира Брандта представляет собой предельный случай тенденциозности политического и экономического картографирования. Мы привычно повторяем, что мир изменился после 1989 года, но насколько эта карта позволяет это учесть? Скажут, что можно ведь обойтись другими картами, на которых Глобальный Восток представлен совокупностью старых и новообразованных стран, но *где он в мире и по большому счету и целиком?* В последней главе этого эссе я хочу остановиться на том, как воображаемое и аналитическое структурирование большого мира проявляется в опыте тех, кто живет на Глобальном Востоке. Пережив резкие исторические изменения и слом непрерывности жизни и отдавая себе отчет, что полностью осознать, что же события 1990-х значили в ходе мировой истории, невозможно, мы понимаем и то, что между ходом этой истории и нами есть большая дистанция, но все же спрашиваем: где мы на глобальной карте и на глобальной «стреле времени»?

Сложность обсуждения взаимодействия Глобальных Севера и Юга связана с тем, что эти категории тесно связаны с целым рядом других (Три мира, развивающиеся, слаборазвитые и т. д. страны). Типология «трех миров» (развитого Первого, социалистического Второго и развивающегося Третьего), как и типология «развивающихся», «недоразвитых», «слаборазвитых» регионов и стран мира, вос-

ходящая к упомянутой выше доктрине Трумэна (Сох, 1990), строились, во-первых, на исключении помех превосходству Северной Америки в мире, и во-вторых, на допущении, что рост и развитие — нормальные и всегда необходимые процессы (Трубина, 2013). Совпадение интересов людей, определявших западную политику развития и западных социальных и гуманитарных наук, а также параллельное (и часто взаимосвязанное) протекание связанных с холодной войной и деколонизацией процессов, отразилось в том, что все понятия, фиксирующие групповые репрезентации или глобальные регионы, с одной стороны, нацелены на то, чтобы деколонизованного Другого, назвав, зафиксировать, а с другой, воспроизводят колониальные традиции принижения Другого и западного самовознесения. В любом месте идеологического спектра была весьма сильной зависимость от предыдущих способов воображения Другого и рассуждения о нем. Не случайно эти типологии больше говорили о том, что эти регионы «часто использовались скорее нормативно, чем аналитически» (Tomlinson, 2003: 307), и скорее идеологически, чем научно, а также скорее символически, чем географически.

Историк Карл Плетч приводит типологию трех миров в качестве «примера примитивной классификации», которая способствовала популярности теории модернизации. Схема объединяет три мира, но строится на двух бинарных оппозициях — между традиционным и современным, и между коммунистическим и свободным современным: «Третий мир — мир традиции, культуры, религии, иррациональности, недоразвития, перенаселенности, политического хаоса и так далее. Второй мир современен, технологически изощрен, достаточно рационален, но авторитарен (или тоталитарен), репрессивен и в конце концов неэффективен и обеднен зараженностью идеологическими догмами и отягощен идеологически мотивированной социалистической элитой. Первый мир совершенно современен, средоточие науки и утилитаристского принятия решений, технологичен, эффективен, демократичен, свободен — короче, естественное общество, неомраченное религией или идеологией» (Pletsch, 1981: 571–572). В этой не без иронии описанной ученым идеал-типической схеме заложена сильная телеология: все общества должны модернизироваться. Одни это уже сделали, другим это предстоит, и дело только в том, удачной или нет будет эта модернизация, т. е. по «правильной» ли она пойдет схеме. Модель прогресса задана капиталистической модерностью, и социальные науки, мобилизованные холодной войной, будут несколько десятилетий идеализованную модель западного капиталистического развития использовать для оценки не-западных миров, в том числе и постсоветского. Плетч описывает и разделение труда между научными дисциплинами: социология и экономика анализируют совершенный Первый мир, советология и в целом *area studies* — Второй, антропология — Третий. Финские ученые Суви Салминиеми и Анни Кангас показывают, как это разделение и в целом идеология трех миров воспроизводятся в транзитологических работах. Они критикуют исследования постсоциализма за ограничивающее оптику ученых воспроизводство идеологии трех миров. Основанный на идее полной несовместимости капитализма и социализма, нарратив

об одностороннем движении неолиберальных идей из Первого мира в бывший Второй проявляется в следующем. Понимая рост и прогресс по преимуществу неолиберально, т. е. экономически, эксперты по Восточной Европе и России (Аслунд, Шлейфер, Трейсман), опираясь на неоклассическую экономику, пропагандировали свободный рынок как основу реформ, а когда реформы не вполне удались, в качестве главной причины называли недостаточно радикальные рыночные реформы. Кангас и Салминиеми приходят к выводу, что «символическая работа по охране границ сконструировала разные „миры“ как герменевтически непроницаемые друг для друга, и скрыла реальную разнородность и капиталистических, и социалистических социальных образований» (Kangas, Salmenniemi, 2016: 223).

Можно, однако, сказать, что вся схема «трех миров» утратила популярность и в академических и в медиа дискурсах, уступив место глобализации. Так, Мюллер справедливо упоминает исчезновение понятия «Второй мир» вместе с падением железного занавеса. Но в жизни понятий есть немало инерции, и схема «трех миров», так или иначе усвоенная и принятая, продолжает использоваться для академического анализа и самопонимания. «Миры» теперь находят в каждой стране. Вот только один свежий пример. Оценивая шансы своих бывших соотечественников выжить в пандемии 2020 года, экономист Сергей Гуриев заявил: «В этом смысле у нас страна состоит из двух стран. Развитая страна Москва. И развивающаяся страна — это бедные российские регионы» (Гуриев, 2020).

Белорусский аналитик Владимир Мацкевич опирается на эту типологию для того, чтобы продемонстрировать разнообразие социальных позиций и политических установок граждан его страны. Деля один город и нередко одну улицу на жителей разных миров, Мацкевич видит Первый мир в тех благополучных соотечественниках, которым «транспорт, средства связи, электронные деньги, прочие инфраструктурные аспекты позволяют... вести жизнь, к которой белорусский режим и общественно-экономические условия страны не имеют никакого отношения». Третий мир Беларуси — те, кто в силу недостаточной образованности «ничего не знает о преимуществах глобализации и, скорее, испытывает от нее неудобства» (заметим, что эксперт описывает Третий мир не через экономическую недоразвитость, но через неспособность воспользоваться благами включенности страны в мир). Второй мир Мацкевич видит в тех соотечественниках, которым «доступ к преимуществам глобализации... перекрыт государственным устройством и установившимся режимом, политикой и экономикой в стране» (Мацкевич, 2017). Мацкевич проблематично заявляет, что правящий класс образован людьми Третьего мира. Главный критерий отнесения белорусских верхов к Третьему миру — неумение приспособиться к глобализации и генерировать перемены.

Этот идеально-типический анализ упоминает белорусский философ Татьяна Щитцова, сравнивающая западный (неолиберальный) и белорусский варианты связи структуры личности и общества (Щитцова, 2020). Обсуждая механизмы заболевания депрессией в авторитарном государстве (по сравнению с государством западным), она использует метафоры «ловушки» и «силков». Первая фиксирует

неолиберальную манипуляцию идеями свободы и самореализации индивида, состоящую в том, что условием личного экономического преуспевания становится деполитизация. Вторые представляют собой специфический вариант ловушки, и более жесткое слово выбрано Щитцовой, чтобы передать существование в условиях государственного насилия, оборачивающегося бессилием людей в качестве политических субъектов. Капитализм упрочился в Беларуси, как и во всех других странах региона, соединившись с политическим авторитаризмом, и именно это соединение неолиберальных моделей самомобилизации в условиях экономической несвободы и авторитарного патернализма, устранившегося от предоставления социальных гарантий, и приводит многих соотечественников, по мнению Щитцовой, к депрессии.

Описав разочарования пожилых белорусов (чувство обманутости, слом доверия режиму), Щитцова, опираясь на полевые исследования, сосредоточивается на гражданах среднего и молодого возраста. Она не следует в точности типологии Мацкевича, но его и ее анализ важен тем, как ученые и обычные люди определяют себя по отношению к *миру* и во многом вопреки стране, где живут. Люди Второго мира в Беларуси, по мнению этих ученых, особенно фрустрированы происходящим, потому что осведомлены о возможностях, которые глобальная современность в принципе открывает человеку, они ориентированы на них, но в то же время живут в авторитарном обществе. Их переживания сосредоточиваются на близких, они мыслят себя в терминах долюбленности и недолюбленности, учатся любить себя и овладевают другими техниками заботы о себе, то есть они — носители новой индивидуалистической культуры, формирование которой на постсоветском пространстве успешно встраивает «нас» в неолиберализованный мир. И так же, как и во всем этом мире, индивидуализация происходит ценой деполитизации: возможности действовать в качестве политических субъектов и социальных акторов у людей немного¹. Но если люди Второго мира и среднего возраста Минска и Беларуси видят в этом проблему, то представители самой молодой группы ее не видят. Их мир съезживается, горизонт редуцируется до поиска возможностей «самореализации», «релакса» и стремления к «позитивности», осуществляемого без культивирования рефлексии, гражданской чувствительности, критического отношения к происходящему.

Это — замечательный анализ, но я на этот счет хотела бы сказать следующее. Раскол между «мирами», зафиксированный Мацкевичем и Щитцовой (а также разобранный Щитцовой раскол между поколениями), сегодня, по-моему, глобален. И Англия после Брежнева, и Америка Трампа дали нам множество примеров того, как живущие на одной улице люди демонстрируют полностью противоположные установки. Шок от осознания того, сколь чужды тебе соседи (или власти), и приводит к сравнениям неприятных, т. е. радикально отличающихся по взглядам, сограждан с людьми с другой планеты (или с представителями другого мира). Поли-

1. Текст был написан и сдан в печать до начала в Беларуси революции, в которой Мацкевич и Щитцова активно участвуют вместе с десятками тысяч сограждан.

тическая апатия сегодня повсеместна, и я согласна с Щитцовой в том отношении, что особенно она распространена среди молодежи. Но так ли уникальны молодые белорусы? Читая в феврале 2020 года лекции в Лионе и Сент-Этьенне, я ужинала в домах коллег и, поскольку традиция семейных ужинов во Франции нетленна, много общалась с молодыми французами (в дополнение к разговорам с моими студентами). Понятно, что мои поверхностные наблюдения далеки от проведенного Щитцовой полноценного поля, но все же показательно, что среди дюжины моих французских собеседников от 14 до 30 лет никто не сочувствовал «желтым жилетам» и все были обеспокоены лишь перспективами профессионального роста, заработка и личной жизни. В чем именно разница между детьми семей, в которых родители более политически активны, но при социализме не жили, и нашими детьми — мне сложно сказать, но решусь заявить, что рост аполитичности и даже консерватизма среди все сильнее «ненадежно» занятой молодежи — глобальная тенденция.

Если в анализе Мацкевича глобализация видится только источником преимуществ (которыми люди и власти либо способны, либо неспособны воспользоваться), то Щитцова хорошо показывает, как глобализация сужает нормативный горизонт, побуждая людей продавать индивидуальные свободу и самореализацию так, что их самооптимизация и продуктивность уже навсегда встроены в экономические механизмы. Глобальная академия с ее все усиливающейся гонкой *publish or perish* тут будет уместным примером, и Мюллер абсолютно прав, подчеркивая, что участие в этой гонке ведется не на равных, и от того, «откуда» ты пишешь: авторитетно высказываясь из всемирно признанных центров знания или шепча что-то с окраин, многое зависит.

Поиск общего и особенного в опыте разнообразно расположенных современников мне кажется одной из самых увлекательных сторон сегодняшней академической и «просто» жизни. К примеру, сколько гордых констатаций «мы-то знаем, мы-то это пережили» можно прочесть в социальных сетях во время пандемии COVID-19! Очередями за туалетной бумагой не испугаешь тех, кто стоял в очередях практически за всем. Но рефлексия по поводу и повсеместных в марте очередей и, безусловно, классово дифференцированной, но глобальной уязвимости важна для продолжения работы по проблематизации бинарных оппозиций, будь то Юг или Север, или Я и Другой.

Многосторонность идентичностей и фиксирующих их дискурсов «внутри» Глобального Востока можно кратко проиллюстрировать, обратившись к международному междисциплинарному исследовательскому проекту «Вспоминая коммунизм», в котором участвовала уже здесь упомянутая Жужа Гилле вместе с автором классической книги «Воображая Балканы» Марией Тодоровой и немецкими славистами Штефаном Требстом и Кристианом Любке (Todorova, Gille, 2010; Lübke, Troebst, 2014). Выше я упомянула, что популярное сегодня разделение Глобальный Север-Юг восходит к началу 1980-х. На карте Брандта линия раздела идет между Северной и Южной Америкой, «верхом» карты и Африкой, Индией и Юго-Вос-

точной Азией. Вся Европа и значительная часть Евразии, включая весь Восточный блок, отнесены к Глобальному Северу. Если мы теперь обратимся к собранным в рамках проекта воспоминаниям, то увидим, во-первых, насколько устная история противоречит тенденциозной политической географии, а во-вторых, насколько отличается память тех, кто жил в странах — соседях по Восточному блоку в 1980-е. Румынские историки фиксировали истории о бедной и безнадежной стране, жителей которой бомбардировали бесконечной правительственной пропагандой, дефицитные вещи из Венгрии или Югославии приходилось доставать из-под полы, слежка была тотальной, труд подневольным, канализация примитивной, за водой ходили к колодцам, хорошей еды не хватало. Многие люди были хорошо образованы, чтобы искать возможность эмигрировать (и многие уехали), а оставшиеся были фундаментально травмированы такой жизнью через сорок лет после окончания войны. Напротив, болгарские историки нашли людей, которые с энтузиазмом вспоминают стройотряды, коллективную работу и коллективные ритуалы, но и варианты самоцензуры и двоемыслия, создания зон свободы, в которых можно было отдохнуть от партийного официоза. В томе хорошо показана связь между столь разнящимися воспоминаниями и суровым отрицанием коммунистического периода в Румынии и одновременно взрывом ностальгии по коммунизму в Болгарии. Неприятие всего социалистического, коммунистического, советского, как мы знаем, характерно для идеологии многих постсоциалистических стран, и тяжелое наследие жизни в рамках Восточного блока многие хотели бы оставить позади. Тодорова в предисловии к этому тому тоже касается этой темы, говоря, с каким сопротивлением они сталкивались: в их проекте видели попытку оправдать преступную политическую систему и навязать чуждую повестку дня. Инициаторы предложили местным историкам ответить на вопросы анкеты о том, как они сами представляют себе свое место в истории, собрать интервью на любую тему и доложить о них на открытых конференциях, а затем предварить написанные в книгу главы параграфами о том, как связан их личный опыт и научные интересы. Мне кажется, что наша коллективная рефлексия только выиграла бы, если бы подобный сравнительный проект был реализован уже в отношении опыта людей, живущих в Восточном блоке после 2014-го, т. е. после аннексии Крыма и войны на Украине.

«Можно извинить исследователя, готового поверить, что железный занавес никогда не падал», — пишет Мюллер, и он не одинок. Используя логичную для историка темпоральную оптику, Карл Шлөгель пишет: «Слушая других и глядя вокруг сегодня, иногда кажется, что «исторический момент» 1989 года, с его волнением и счастьем, никогда не настал, что момент, свидетелями которого многие из нас были, исчез под горой интерпретаций и рефлексии, что фактически все, что случилось на улицах Берлина, Праги, Варшавы, Бухареста и где-то еще, было просто самообманом, иллюзией, сюрреальностью» (Schlögel, 2019). Шлөгель продолжает свою мысль двумя очень близкими мне наблюдениями, во-первых, что, несмотря на все сделанное для запечатления (фильмы, интервью и т. д.), «опыт людей, ка-

жется по большей части забытым: людей, которые первыми пересекли открытую границу... исследуя мир, который был для них в течение всей жизни закрыт, волнение свободы, свободы передвижения, чтения ранее недоступных газет или посещения родственников на Западе» (Schlögel, 2019); и во-вторых, что опыт перелома был у всех разным и не всегда приходился на точные дату и место. Для кого-то, пишет он, «цезурой» было основание «Солидарности» в Польше в 1980-е годы, для кого-то — война в Югославии в 1990-е, для многих таким событием было стремительное расширение Европейского союза в 2004-м, для кого-то — 11 сентября, а для кого-то — финансовый кризис 2008-го. Переломные события Шлёгель не пытается запереть внутри постсоциалистического лагеря. Для тех из нас, кто ринулся ездить за рубеж, как только это стало возможным, пережитое за пределами «лагеря» помогало точнее понять случившееся «внутри». Ограниченные интеллектуальным снаряжением, заданным своей «эпистемой», мы освоили недоступные нам прежде стороны жизни, переживания и вещи (Trubina, 2007), избавившись от одних шор и, возможно, надев другие. Главное, наверно, обретение этого периода — вхождение в общий мир, обнаружение между его членами, будь то отдельные люди или группы, невероятного числа различий и сходств и успешно осуществленная большинством выработка сознания самодостаточности.

Заключение

Типологии и классификации частей мира не нейтральны. Завершение холодной войны и изменение геополитических конфигураций привели — в дополнение к радикально изменившейся карте (и картине) мира — к путанице в понятиях, используемых для фиксации частей мира. Развивающиеся и развитые, центральные и периферийные (и полупериферийные), западные и восточные, и — по нарастающей — северные и южные страны — это группы, «лэйблы», позволяющие ориентироваться в происходящем. Типологии глобальных сторон света и «миров», рассмотренные здесь, полны недостатков. Об этих недостатках говорят лишь некоторые ученые (включая Мюллера), а пользуются ими множество людей. Львиная доля нашей работы как ученых осуществляется в четко очерченных рамках дисциплин. Однако время от времени мы рискуем: пишем что-то за пределами своего поля, приглашая коллег к междисциплинарному диалогу. Последние два слова часто повторяются лишь ритуально в силу институционального и дисциплинарного давления, которое, увы, не ослабевает. Когда географические и исторические вопросы ставятся по-новому и шире, чем обычно, риск состоит в повышенной уязвимости для критики. «Слишком широко», «слишком общо» и «чересчур поверхностно» — такие вердикты столь же распространены, сколь и предсказуемы. Более специфический вариант критики, который статья Мюллера вызывает, состоит в фундаментальной неясности: зачем заносить в новый «блок» людей, которые еще очень хорошо помнят невзгоды жизни в блоке Восточном? Зачем приглашать их думать в абстрактных и нагруженных множеством нелестных ассоциаций терминах Гло-

бального Востока, если и сознание новой национальной принадлежности им даётся нелегко? На эти возможные вопросы отвечает (другое дело, насколько убедительно) сам Мюллер. Приглашая коллег «теоретизировать не только *о*, но и *вместе* с Глобальным Востоком», он считает, что этот регион значим, во-первых, для обсуждения тревог, присущих глобализирующимся обществам, и во-вторых, для изменения системы производства знаний. Изменения такого, которое позволило бы ученым из этого региона обрести голос в глобальной академии.

Хотя глобус, на который аккуратно нанесены страны и континенты, долготы и широты, потеснили сегодня спутниковые изображения тотальной взаимосвязанности и проницаемости, «и глобус, и карта стали настолько успешными репрезентациями, что они отбрасывают «тени» и на то, что вообще к картам не относится» (Pickles, 1992: 211). Ассоциации, вызванные смесью топографических образов и «интертекстов» вокруг Востока и Запада, Севера и Юга, центра и периферии, метрополии и колонии, случайны и проблематичны. Однако они, по-моему, часто преследуют попытки поговорить почти о любом месте, в том числе о месте, которое интеллектуальная продукция, посвященная нашему общему непростому постсоветскому региону, занимает в мировой академии. Смыслы и воспоминания, желания и амбиции, влияющие на «просто» рефлексию того, что значит этот регион сегодня, и на понимание того, с какими сложностями сталкивается интеллектуальная о нем продукция, связаны с постколониальной децентрацией Запада как привилегированного региона и места производства знания. Антропология, география, городские исследования, социология, *area studies* — все эти дисциплины способствовали легитимации и нормализации западного морального, интеллектуального и экономического превосходства, и все ли из этих европоцентристских допущений в данных дисциплинах преодолены, остается большим вопросом. Продолжающийся анализ этих допущений и их преодоление должны сопровождаться изменением концептуального аппарата, относящегося к Восточной Европе, России и Центральной Азии и — шире — к постсоветскому пространству. Нам нужно больше работ и исследований, в которых сталкивались бы разные, в том числе и «глобально-восточные», представления о глобальном.

Литература

- Гераскина О. (2016). Проблема «Север — Юг» как глобальная проблема мировой экономики // Научная дискуссия современной молодежи: экономика и право: Сборник статей международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение. С. 502–504.
- Гуриев С. (2020). «У нас действительно ситуация военного времени» // Fontanka.ru. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/13/69088699/> (дата доступа: 31.03.2020).
- Жарков В. (2019). Россия и новый континентальный блок в Евразии // Вестник Европы. № 52. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2019/52/rossiya-i-novyy-kontinentalnyj-blok-v-evrazii.html> (дата доступа: 31.03.2020).

- Мацкевич В. (2017). Глобальное потепление после холодной войны. Часть 2: Что происходит в мире и регионе // Белорусский журнал. URL: <http://journalby.com/news/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoy-voyny-chast-2-chno-proishodit-v-mire-i-regione-1004> (дата доступа: 10.12.2019).
- Трубина Е. (2013). Центр и периферия между ростом и развитием // Логос. № 4. С. 237–266.
- Щитцова Т. (2020). Депрессия как диспозиция-и-диспозитив: к социальной релевантности депрессии в современном белорусском обществе // Щитцова Т., Артимович Т., Ковтык Е., Полещук И. Без будущего: депрессия и современное белорусское общество. Минск-Вильнюс: ЕГУ. (В печати)
- Ahuja N. (2016). The Anthropocene Debate: On the Limits of Colonial Geology. URL: <https://ahuja.sites.ucsc.edu/2016/09/09/the-anthropocene-debate-on-the-limits-of-colonial-geology/> (дата доступа: 10.09.2020).
- Angelo H., Hentschel C. (2015). Interactions with Infrastructure as Windows into Social Worlds: A Method for Critical Urban Studies: Introduction // City. Vol. 1. № 2–3. P. 306–312.
- Bachmann V., Muller M. (2015). Conclusion: Looking from the Outside In = Looking from the Outside Out // Bachmann V., Muller M. (eds.). Perceptions of the EU in Eastern Europe and Sub-Saharan Africa: Looking in from the Outside. L.: Palgrave. P. 187–195.
- Bayly C. (2003). The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Maiden: Blackwell.
- Bohle D., Greskovits B. (2012). Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press.
- Brandt W. (1980). North–South: A Programme for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. L.: Pan Books.
- Brotton J. (1997). Trading Territories: Mapping the Early Modern World. Ithaca: Cornell University Press.
- Chatterjee S. (2013). Western Theories and the non-Western World: A Search for Relevance // Japanese Journal of Political Science. Vol. 14. № 3. P. 395–419.
- Comaroff J., Comaroff J. L. (2002). Alien-Nation: Zombies, Immigrants and Millennial Capitalism // South Atlantic Quarterly. № 101. P. 779–805.
- Cosgrove D. (2001) Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Connolly R. (2011). Financial Constraints on the Modernization of the Russian Economy // Eurasian Geography and Economics. Vol. 52. № 3. P. 428–459.
- Cox M. (1990). From the Truman Doctrine to the Second Superpower I: The Rise and Fall of the Cold War // Journal of Peace Research. Vol. 27. № 1. P. 25–41.
- Cox M. (2017). Europe — Still between the Superpowers // Global Policy. Vol. 8. № 4. P. 9–17.
- Drahokoupil J. (2009). Globalization and the State in Central and Eastern Europe: The Politics of Foreign Direct Investment. L.: Routledge.

- Dörrenbächer C., Fichter M., Neumann L., Tóth A., Wortmann M.* (2000). Transformation and Foreign Direct Investment: Observations on Path Dependency, Hybridisation, and Model Transfer at the Enterprise Level // *Transfer: European Review of Labour and Research*. Vol. 6. № 3. P. 434–449.
- Fraser N.* (1995). From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in a «Post-Socialist» Age // *New Left Review*. Vol. 212. P. 68–93.
- Gaddy C., Ickes B.* (2013). *Bear Traps on Russia's Road to Modernization*. L.: Routledge.
- Garapich M.* (2016). *London's Polish Borders: Transnationalizing Class and Ethnicity Among Polish Migrants in London*. L.: Ibidem Press.
- Gille Z.* (2020). Review: Besnik Pula, *Globalization under and after Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2018 // *Contemporary Sociology*. Vol. 49. № 1. P. 84–85.
- Goetz K.* (2001). Making Sense of Post-Communist Central Administration: Modernization, Europeanization or Latinization? // *Journal of European Public Policy*. Vol. 8. № 6. P. 1032–1051.
- Golden P.* (2011). *Central Asia in World History*. Oxford: Oxford University Press.
- Harvey D.* (2003). *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Hart G.* (2010). Developments after the Meltdown // *Antipode*. Vol. 41. P. 117–141.
- Horner R.* (2020). Towards a New Paradigm of Global Development? Beyond the Limits of International Development // *Progress in Human Geography*. Vol. 40. № 3. P. 415–436.
- Inglot T.* (2016). Path-Dependency versus Reform in Pensions and Family Policy Re-examined: Dual Trajectories of the Polish Welfare State since the 1990s // *Social Policy & Administration*. Vol. 50. № 2. P. 241–261.
- Jazeel T.* (2019). Singularity: A Manifesto for Incomparable Geographies // *Singapore Journal of Tropical Geography*. Vol. 40. № 1. P. 5–21.
- Kangas A., Salmenniemi S.* (2016). Decolonizing Knowledge: Neoliberalism beyond the Three Worlds // *Distinktion: Journal of Social Theory*. Vol. 17. № 2. P. 210–227.
- Kipfer S., Saberi P., Wieditz T.* (2012). Henri Lefebvre: Debates and Controversies // *Progress in Human Geography*. Vol. 37. № 1. P. 115–134.
- Kokushkin M.* (2011). Transitional Societies in Eastern Europe: Moving Beyond the Washington Consensus Paradigm in Transitology // *Sociology Compass*. Vol. 5. № 12. P. 1044–1057.
- Krastev I., Holmes S.* (2019). *The Light that Failed: A Reckoning*. New York: Penguin.
- Langley P.* (2007). Uncertain Subjects of Anglo-American Financialization // *Cultural Critique*. № 65. P. 67–91.
- Lippincott K.* (1999). *Globes in Art: Problems of Interpretation and Representation* // Dekker E. (ed.). *Globes at Greenwich: A Catalogue of the Globes and Armillary Spheres in The National Maritime Museum*. Oxford: Oxford University. P. 75–86.
- Lorenzini S.* (2019). *Global Development: A Cold War History*. Princeton: Princeton University Press.

- Lübke C., Troebst S.* (2014). *Remembering Communism: Private and Public Recollections of Lived Experience in Southeast Europe*. Budapest: Central European University Press.
- McFaul M.* (1999). *Lessons from Russia's Protracted Transition from Communist Rule* // *Political Science Quarterly*. Vol. 114. № 1. P. 103–113.
- Melegh A.* (2006). *On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism, and Discourses on Central and Eastern Europe*. Budapest: Central European University Press.
- Mendelson S.* (2001). *Unfinished Business: Democracy Assistance and Political Transition in Eastern Europe and Eurasia* // *Problems of Post-Communism*. Vol. 48. № 3. P. 19–27.
- Millington G.* (2016). *The Cosmopolitan Contradictions of Planetary Urbanization* // *British Journal of Sociology*. Vol. 67. № 3. P. 476–496.
- Moyn S., Sartori A.* (2013). *Global Intellectual History*. New York: Columbia University Press.
- Orford A.* (2003). *Human Rights and the Use of Force in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Osterhammel J.* (2014). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Pickles J.* (1992). *Texts, Hermeneutics and Propaganda Maps* // *Barnes T. J., Duncan J. S.* (eds.). *Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape*. L.: Routledge. P. 193–230.
- Platun J.* (2020). *The Artist Janetka Platun's Website*. URL: <http://janetkaplatun.com/index.html> (дата доступа 31.03.2020)
- Pletsch C.* (1981). *The Three Worlds, or the Division of Social Scientific Labor, circa 1950–1975* // *Comparative Studies in Social History*. Vol. 23. № 4. P. 565–590.
- Pomper P.* (2005). *The History and Theory of Empires* // *History and Theory*. Vol. 44. № 4. P. 1–27.
- Preston J.* (2013). *Neoliberal Settler Colonialism, Canada and the Tar Sands* // *Race and Class*. Vol. 55. № 2. P. 42–59.
- Pula B.* (2018). *Globalization under and after Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Purcell M.* (2003). *Islands of Practice and the Marston/Brenner Debate: Toward a More Synthetic Critical Human Geography* // *Progress in Human Geography*. Vol. 27. № 3. P. 317–332.
- Ramaswamy S.* (2002). *Visualising India's Geo-Body Globes, Maps, Bodyscapes* // *Contributions to Indian Sociology*. Vol. 36. № 1–2. P. 151–189.
- Robinson J.* (2006). *Ordinary Cities: Between Modernity and Development*. L.: Routledge.
- Rutland P.* (1997). *Russia's Flawed Market Transition* // *Problems of Post-Communism*. Vol. 44. № 6. P. 29–33.
- Sachsenmaier D.* (2011). *Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Sheringham O., Platun J., McAvinchey C.* (2020). *Globe's Encounters and the Art of Rolling: Home, Migration and Belonging* // *Cultural Geography*. Vol. 27. № 2. P. 177–199.
- Schlögel K.* (2019). *This Mess of Troubled Times* // *Eurozine*. November 19. URL: <https://www.eurozine.com/this-mess-of-troubled-times/> (дата доступа: 18.09.2020).
- Spivak G.* (1999). *A Critique of Postcolonial Reason: Towards a History of the Vanishing Present*. Cambridge: Harvard University Press.
- Therborn G.* (2003). *Entangled Modernities* // *European Journal of Social Theory*. Vol. 6. № 3. P. 293–305.
- Todorova M., Gille Z.* (2010). *Post-Communist Nostalgia*. N.Y.: Berghahn Books.
- Tomlinson B. R.* (2003). *What was the Third World?* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 38. № 2. P. 307–321.
- Trubina E.* (2007). *Practicing Owning and Fearing Losing: Normality as Materiality* // *Eurozine*. 3 December. URL: <https://www.eurozine.com/practising-owning-and-fearing-losing/> (дата доступа: 18.09.2020).
- Vries J. D.* (2008). *The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wikipedia Commons. (2020). *The Brandt Line*. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Brandt_Line.png (дата доступа: 18.09.2020).
- Williams G., Meth P., Willis K.* (2009). *Geographies of Developing Areas: The Global South in a Changing World*. L.: Routledge.
- Zhuravlev O., Ishchenko V.* (2020). *Exclusiveness of Civic Nationalism: Euromaidan Eventful Nationalism in Ukraine* // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36. № 3. P. 226–245.
- Zweynert J.* (2019). *When Ideas Fail: Economic Thought, the Failure of Transition and the Rise of Institutional Instability in Post-Soviet Russia*. L.: Routledge.

The Global East and the Globe

Elena Trubina

Doctor of Philosophy, Professor, Ural Humanities Institute, Yeltsin Ural Federal University, Director, Center for Global Urbanism

Address: Lenin ave., 51, Yekaterinburg, Russian Federation 620075

E-mail: elena.trubina@gmail.com.

The article is a detailed response to the text by Martin Müller "In Search for the Global East", written on the basis of the experience of a scientist specializing in post-socialist realities, and included in the global circulation of social and humanitarian knowledge. It deals with the possibility of reflection of the place of the post-socialist part of the world in the world as a whole, from the point of view of a community formed by those who live in the post-socialist space and those who explore different aspects of post-socialist life. The genealogy of discussions about the Global South and the Global North, which are fundamental for such disciplines as geography (political, economic, and human) and urban studies, as well as the formation of the conceptual link of "development = the global South" in the political history of the second half of the twentieth

century and in the intellectual history of this period is discussed. It is argued that the Global South is actively discussed in the global debates of geographers, urbanists, and historians. It also occupies a prominent place in transnational, big stories about what is happening in the world, and with the world. At the same time, the post-socialist world (Müller proposes the name “Global East” for it) occupies an insignificant place in these narratives. “Development” (no matter how different and controversial it may be) in relation to that part of the “global” which is comprised from Eastern Europe, Russia, and Central Asia, is understood as a task of national governments, and which must be solved by following Western recipes. The article explains the reasons for the lack of understanding of what this region means today, as well as the difficulties of conducting and popularizing research about it, in particular, the ongoing post-colonial decentralization of the West as a privileged place of knowledge production. The conclusion of the article is that much more research is needed in which different perceptions of the global are compared, including the ones generated in/by the “Global East”.

Keywords: Global East, Global North, Global South, globe, “hemispheric fallacy”, transnational big narratives, internal differentiation of the Global East

References

- Ahuja N. (2016) The Anthropocene Debate: On the Limits of Colonial Geology. Available at: <https://ahuja.sites.ucsc.edu/2016/09/09/the-anthropocene-debate-on-the-limits-of-colonial-geology/> (accessed 10 September 2020).
- Angelo H., Hentschel C. (2015) Interactions with Infrastructure as Windows into Social Worlds: A Method for Critical Urban Studies: Introduction. *City*, vol. 1, no 2-3, pp. 306–312.
- Bachmann V., Müller M. (2015) Conclusion. Looking from the Outside In = Looking from the Outside Out. *Perceptions of the EU in Eastern Europe and Sub-Saharan Africa: Looking in from the Outside* (eds. V. Bachmann, M. Muller), London: Palgrave, pp. 187–195.
- Bayly C. (2003) *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*, Maiden: Blackwell.
- Bohle D., Greskovits B. (2012) *Capitalist Diversity on Europe's Periphery*, Ithaca: Cornell University Press.
- Brandt W. (1980) *North–South: A Programme for Survival* (The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt), London: Pan Books.
- Brotton J. (1997) *Trading Territories: Mapping the Early Modern World*, Ithaca: Cornell University Press.
- Chatterjee S. (2013) Western Theories and the Non-Western World: A Search for Relevance. *Japanese Journal of Political Science*, vol. 14, no 3, pp. 395–419.
- Comaroff J., Comaroff J. L. (2002) Alien-Nation: Zombies, Immigrants and Millennial Capitalism. *South Atlantic Quarterly*, no 101, pp. 779–805.
- Connolly R. (2011) Financial Constraints on the Modernization of the Russian Economy. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no 3, pp. 428–459.
- Cosgrove D. (2001) *Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Cox M. (1990) From the Truman Doctrine to the Second Superpower Detente: The Rise and Fall of the Cold War. *Journal of Peace Research*, vol. 27, no 1, pp. 25–41.
- Cox M. (2017) Europe — Still between the Superpowers. *Global Policy*, vol. 8, no 4, pp. 9–17.
- Dörrenbächer C., Fichter M., Neumann L., Tóth A., Wortmann M. (2000) Transformation and Foreign Direct Investment: Observations on Path Dependency, Hybridisation, and Model Transfer at the Enterprise Level. *Transfer: European Review of Labour and Research*, vol. 6, no 3, pp. 434–449.
- Drahokoupil J. (2009) *Globalization and the State in Central and Eastern Europe: The Politics of Foreign Direct Investment*, London: Routledge.
- Fraser N. (1995) From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in a “Post-Socialist” Age. *New Left Review*, vol. 212, pp. 68–93.
- Gaddy C., Ickes B. (2013) *Bear Traps on Russia's Road to Modernization*, London: Routledge.
- Garapich M. (2016) *London's Polish Borders: Transnationalizing Class and Ethnicity Among Polish Migrants in London*, London: Ibidem Press.

- Geraskina O. (2016) Problema "Sever-Yug" kak globalnaya problema mirovoi ekonomiki [The "North-South" Problem as the Global Problem of the World Economy]. *Nauchnaya diskussiya sovremennoy molodyozhi: ekonomika i pravo* [The Academic Discussion of the Modern Youth: Economics and Law], Penza: Nauka i prosveschenie, pp. 502–504.
- Gille Z. (2020) Review: Besnik Pula, *Globalization under and after Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*, Stanford: Stanford University Press, 2018. *Contemporary Sociology*, vol. 49, no 1, pp. 84–85.
- Goetz K. (2001) Making Sense of Post-Communist Central Administration: Modernization, Europeanization or Latinization?. *Journal of European Public Policy*, vol. 8, no 6, pp. 1032–1051.
- Golden P. (2011) *Central Asia in World History*, Oxford: Oxford University Press.
- Guriev S. (2020) "U nas deistvitelno situatsia voennogo vremeni" ["We Truly Find Ourselves in the War Time Situation"]. *Fontanka*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2020/04/13/69088699/> (accessed 31 March 2020).
- Hart G. (2010) Developments after the Meltdown. *Antipode*, vol. 41, pp. 117–141.
- Harvey D. (2003) *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.
- Horner R. (2020) Towards a New Paradigm of Global Development? Beyond the Limits of International Development. *Progress in Human Geography*, vol. 40, no 3, pp. 415–436.
- Inglot T. (2016) Path-Dependency versus Reform in Pensions and Family Policy Re-examined: Dual Trajectories of the Polish Welfare State since the 1990s. *Social Policy & Administration*, vol. 50, no 2, pp. 241–261.
- Jazeel T. (2019) Singularity: A Manifesto for Incomparable Geographies. *Singapore Journal of Tropical Geography*, vol. 40, no 1, pp. 5–21.
- Kangas A., Salmenniemi S. (2016) Decolonizing Knowledge: Neoliberalism beyond the Three Worlds. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 17, no 2, pp. 210–227.
- Kipfer S., Saberi P., Wieditz T. (2012) Henri Lefebvre: Debates and Controversies. *Progress in Human Geography*, vol. 37, no 1, pp. 115–134.
- Kokushkin M. (2011) Transitional Societies in Eastern Europe: Moving Beyond the Washington Consensus Paradigm in Transitivity. *Sociology Compass*, vol. 5, no 12, pp. 1044–1057.
- Krastev I., Holmes S. (2019) *The Light that Failed: A Reckoning*, New York: Penguin.
- Langley P. (2007) Uncertain Subjects of Anglo-American Financialization. *Cultural Critique*, no 65, pp. 67–91.
- Lippincott K. (1999) Globes in Art: Problems of Interpretation and Representation. *Globes at Greenwich: A Catalogue of the Globes and Armillary Spheres in The National Maritime Museum* (ed. E. Dekker), Oxford: Oxford University, pp. 75–86.
- Lorenzini S. (2019) *Global Development: A Cold War History*, Princeton: Princeton University Press.
- Lübke C., Troebst S. (2014) *Remembering Communism: Private and Public Recollections of Lived Experience in Southeast Europe*, Budapest: Central European University Press.
- Matskevitch V. (2017) Globalnoye poteplenie posle Holodnoy voyny. Chast 2: Chto proishodit v mirei regione [Global Warming after the Cold War, Part 2: What is Happening in the World and the Region]. *Belarusski zhurnal*. Available at: <http://journalby.com/news/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoy-voyny-chast-2-chto-proishodit-v-mire-i-regione-1004> (accessed 31 March 2020).
- McFaul M. (1999) Lessons from Russia's Protracted Transition from Communist Rule. *Political Science Quarterly*, vol. 114, no 1, pp. 103–113.
- Melegh A. (2006) *On the East-West Slope: Globalization, Nationalism, Racism, and Discourses on Central and Eastern Europe*, Budapest: Central European University Press.
- Mendelson S. (2001) Unfinished Business: Democracy Assistance and Political Transition in Eastern Europe and Eurasia. *Problems of Post-Communism*, vol. 48, no 3, pp. 19–27.
- Millington G. (2016) The Cosmopolitan Contradictions of Planetary Urbanization. *British Journal of Sociology*, vol. 67, no 3, pp. 476–496.
- Moyn S., Sartori A. (2013) *Global Intellectual History*, New York: Columbia University.
- Orford A. (2003) *Human Rights and the Use of Force in International Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Osterhammel J. (2014) *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*, Princeton: Princeton University Press.

- Pickles J. (1992) Texts, Hermeneutics and Propaganda Maps. *Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape* (eds. T. J. Barnes, J. S. Duncan), London: Routledge, pp. 193–230.
- Platun J. (2020) The Artist Janetka Platun's Website. Available at: <http://janetkaplatun.com/index.html> (accessed 31 March 2020).
- Pletsch C. (1981) The Three Worlds, or the Division of Social Scientific Labor, circa 1950–1975. *Comparative Studies in Social History*, vol. 23, no 4, pp. 565–590.
- Pomper P. (2005) The History and Theory of Empires. *History and Theory*, vol. 44, no 4, pp. 1–27.
- Preston J. (2013) Neoliberal Settler Colonialism, Canada and the Tar Sands. *Race and Class*, vol. 55, no 2, pp. 42–59.
- Pula B. (2018) *Globalization under and after Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*, Stanford: Stanford University Press.
- Purcell M. (2003) Islands of Practice and the Marston/Brenner Debate: Toward a More Synthetic Critical Human Geography. *Progress in Human Geography*, vol. 27, no 3, pp. 317–332.
- Ramaswamy S. (2002) Visualising India's Geo-Body Globes, Maps, Bodyscapes. *Contributions to Indian Sociology*, vol. 36, no 1-2, pp. 151–189.
- Robinson J. (2006) *Ordinary Cities: Between Modernity and Development*, London: Routledge.
- Rutland P. (1997) Russia's Flawed Market Transition. *Problems of Post-Communism*, vol. 44, no 6, pp. 29–33.
- Sachsenmaier D. (2011) *Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Schitsova T. (2020) Depressiya kak dispozitsiya i dispositive: k sotsialnoi relevantnosti depressii v sovremennom belarusskom obshestve [Depression as a Disposition in the Dispositive: Toward a Social Relevance of Depression in Contemporary Belarusian Society]. Schitsova T., Artimovitch T., Kovtyak E., Polshuk I., *Bez budushogo* [Without Future], Vilnyus: European Humanities University Publishing. (In print)
- Schlögel K. (2019) This Mess of Troubled Times. *Eurozine*, 19 November. Available at: <https://www.eurozine.com/this-mess-of-troubled-times/> (accessed 31 March 2020).
- Sheringham O., Platun J., McAvinchey C. (2020) Globe's Encounters and the Art of Rolling: Home, Migration and Belonging. *Cultural Geography*, vol. 27, no 2, pp. 177–199.
- Spivak G. (1999) *A Critique of Postcolonial Reason: Towards a History of the Vanishing Present*, Cambridge: Harvard University Press.
- Therborn G. (2003) Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*, vol. 6, no 3, pp. 293–305.
- Todorova M., Gille Z. (2010) *Post-Communist Nostalgia*, New York: Berghahn Books.
- Tomlinson B. R. (2003) What was the Third World? *Journal of Contemporary History*, vol. 38, pp. 307–321.
- Trubina E. (2007) Practicing Owning and Fearing Losing: Normality as Materiality. *Eurozine*, December 3. Available at: <https://www.eurozine.com/practising-owning-and-fearing-losing/> (accessed 31 March 2020).
- Trubina E. (2013) Tsenr i periferia mezhdru rostom i razvitiem [The Center and Periphery between Growth and Development]. *Logos*, no 4, pp. 237–266.
- Vries J.D. (2008) *The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Williams G., Meth P., Willis K. (2009) *Geographies of Developing Areas: The Global South in a Changing World*, London: Routledge.
- Zharkov V. (2019) Rossiya i novyi kontinentalnyi blok v Evrazii [Russia and the New Continental Block in Eurasia]. *Vestnik Evropy*, no 52. Available at: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2019/52/rossiya-i-novyj-kontinentalnyj-blok-v-evrazii.html> (accessed 31 March 2020).
- Zhuravlev O., Ishchenko V. (2020) Exclusiveness of civic nationalism: Euromaidan eventful nationalism in Ukraine. *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no 3, pp. 226–245.
- Zweynert J. (2019) *When Ideas Fail: Economic Thought, the Failure of Transition and the Rise of Institutional Instability in Post-Soviet Russia*, London: Routledge.